

П. В. Руднев

РГГУ, Москва

РЕФЛЕКСИВЫ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ПРИРОДА АНАФОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Введение

В настоящей работе мы намерены показать, что традиционное для отечественного языкознания отождествление анафорических отношений и кореферентности ведет к ряду неверных предсказаний, как относительно отношений «антецедент — местоимение», так и касательно структуры простого предложения в целом.

В работах [Голдова 1999] и [Лютикова 2001] приводятся многочисленные примеры на материале цахурского и багвалинского языков, в которых предполагаемые нарушения принципов теории связывания не приводят к неграмматичности предложений:

БАГВАЛИНСКИЙ ЯЗЫК [Лютикова 2001: 624]

(1a) *in-ṣ̌u-r-da* *ima* *w=eṣ̌iši*
сам-OBL-M-ERG отец М=хвалить
{Никто отца не хвалил.} ‘Отец сам себя похвалил’.

(1б) *ima-ṣ̌u-r* *e=w=da* *w=eṣ̌iši*
отец-OBL-M-ERG сам-M М=хвалить
{Отец никого не хвалил.} ‘Отец самого себя похвалил’.

Согласно стандартной теории связывания, предложение (1a) должно быть неграмматичным, т. к. подлежащее, маркированное эргативом, выражено рефлексивным местоимением, а его антецедент находится в менее приоритетной синтаксической (и семантической) позиции. На основании подобных данных авторы делают два вывода: (i) структура глагольной группы в дагестанских языках является «плоской», т. е. отсутствует асимметрия между актантами глагола; (ii) анафорические отношения в дагестанских языках регулируются прагматическими факторами вместо синтаксических.

Опираясь на материал аварского языка, мы продемонстрируем, что подобный взгляд на грамматическую анафору объясняет лишь небольшую часть наблюдаемых фактов, а также предложим

дополнительный механизм, семантическое связывание, способный объяснить остальные. Кроме того, мы исследуем возможность интерпретации указательных местоимений в аварском и багвалинском языках как связанной переменной.

2. Природа анафорических отношений

В формально-семантической традиции принято выделять по крайней мере две разновидности анафорических отношений: кореферентность и семантическое/логическое связывание. В первом случае необходимо, чтобы и антецедент, и местоимение обладали собственной референцией; в том случае, если их референты совпадают, говорят о **кореферентности** (2). Во втором случае местоимение интерпретируется в математическом смысле как переменная, связанная оператором, у которого нет конкретного референта (3).

- (2) *Ваня_i видит себя_i в зеркале.* (и *Ваня*, и местоимение имеют в качестве референта Ваню)
- (3) *Каждый студент любит себя.* (у ИГ *каждый студент* нет конкретного референта)
 $\forall x. \text{студент}(x) \rightarrow \text{любить}(x, x)$

Существует три теста на семантическое связывание: (i) прочтения эллиптических ГГ; (ii) кванторные антецеденты для местоимений; (iii) фокусное выделение. Интересно отметить, что в случаях локальной рефлексивизации местоимения всегда интерпретируются как связанная переменная, вне зависимости от природы антецедента.

- (4) *Ваня любит себя, и Маша тоже.*
 = 'Маша любит себя'.
 ≠ 'Маша любит Ваню'.

Семантическая формула, подобная (3), неспособна объяснить подобное явление, т. к. в предложении (4) нет ни одного квантора; кроме того, одним из обязательных требований эллипсиса является требование идентичности предикатов.

Принято считать, что для установления анафорических отношений у антецедента и местоимения должны совпадать согласовательные признаки (ф-признаки в генеративной терминологии, включающие лицо, число и род). Не менее правдоподобной была

бы гипотеза о том, что соответствующие согласовательные признаки размещены на глаголе, с которым согласуется сначала местоимение, а потом и антецедент (ср. [Kratzer 2009; Adger 2011]). Кроме того, необходимо упомянуть, что семантическое связывание, в отличие от кореферентности, регулируется очень жесткими структурными ограничениями (в частности, принято считать, что для установления подобных отношений антецедент должен находиться в синтаксически приоритетной позиции).

(5) Ваня λx .любить(x,x), и Маша λx .любить(x,x)

3. Семантическое связывание в дагестанских языках

Как мы уже видели, в локальных контекстах рефлексивные местоимения обычно получают интерпретацию связанной переменной. Вернемся теперь к дагестанским языкам. Пара предложений в (1) представляет собой как раз такой синтаксический контекст, однако оба предложения грамматичны.

В аварском языке аналоги таких предложений в аналогичных контекстах также приемлемы, однако на данном этапе резонно задать вопрос, не являются ли подобные предложения случаями кореферентности. Чтобы исключить такую возможность, заменим антецедентные ИГ на кванторные:

(6а) **Жинцаго цибав вас вецулев₁ вукIана₂.*
сам.OBL.ERG каждый сын хвалить_{1,2}
Ожид.: 'Каждый сын сам себя хвалил'.

(6б) **Щибав васас живго вецулев₁ вукIана₂.*
каждый сын.ERG сам хвалить_{1,2}
'Каждый сын хвалил самого себя'.

Аналоги предложения (6а) с предикатами другой семантики, требующими подлежащего в дативе или локативе, одинаково неграмматичны:

(7) **Жиндиего цибав вас вокьула.*
сам.OBL.DAT каждый сын любит
Ожид.: 'Каждый сын сам себя любит'.

(8) **Щибав вас жиндаго вихьана матIуяльув.*
каждый сын сам.LOC видит в.зеркале
Ожид.: 'Каждый сын сам себя видит в зеркале'.

Функционально-прагматический подход к анафорическим отношениям не может объяснить контраст между (6а), (7), (8) и (1а), не вводя в действие никакого дополнительного механизма. На наш взгляд, теория с семантическим связыванием как основным механизмом локальной рефлексивизации в совокупности с гипотезой об иерархическом устройстве глагольной группы даже в языках со свободным порядком слов является по крайней мере не менее, а с точки зрения эмпирических данных даже более адекватной.

Очевидно, однако, что на кореферентность также должны налагаться некоторые ограничения, причем механизм «фокуса эмпатии» может сыграть роль как раз такого ограничения.

В кавказоведческой литературе (напр., [Алексеев, Атаев 1997]) также нередко можно встретить утверждения о том, что в дагестанских языках отсутствуют анафорические местоимения 3 лица и их функция (частично) выполняется различными классами указательных местоимений. Следует обратить внимание на то, что анафорические и демонстративные местоимения, несмотря на несомненное наличие общих черт, имеют ряд очень важных отличий в синтаксическом и семантическом поведении.

Мы покажем, что есть основания считать аварское указательное местоимение *гъев* 'тот' анафорическим местоимением 3 лица, так как оно (i) может употребляться самостоятельно; (ii) может употребляться с синтаксически приоритетным антецедентом; (iii) может получать интерпретацию связанной переменной. Помимо этого, мы предложим синтез моделей П. Элборна, Д. Эджера и А. Кратцера для объяснения общих черт различных классов местоимений в отношении семантического связывания.

В [Kratzer 2009; Adger 2011] предлагается считать, что основой каждого местоимения является переменная типа $\langle e \rangle$, над которой в определенном иерархическом порядке расположены согласовательные признаки рода, числа и лица. Признаки рода и числа можно рассматривать как частичные функции идентичности с соответствующей пресуппозицией, в то время как признаки числа являются множествообразующими. У указательных местоимений вместо признаков лица имеются дейктические признаки [Elbourne 2008]. Для того, чтобы все местоимение имело семантический тип $\langle e \rangle$, а не $\langle e, t \rangle$, самым верхним элементом в расширенной

проекция является D с признаком [def], который интерпретируется как йота-оператор, вводящий пресуппозицию существования и уникальности. Таким образом, местоимения, являясь проформой ИГ, понимаются как дефинитные дескрипции.

Переменная типа <e>, которую мы вслед за Д. Эджером будем обозначать как [ID], соответствует связанным местоимениям (резумптивным, рефлексивным, взаимным); местоимения со структурой [D [Phi [ID]]] будут интерпретироваться как референциальные. В любом случае, связывание переменной [ID] будет осуществляться «фазовой» вершиной (D, v, C), что гарантирует идентичность предикатов в случае эллипсиса глагольной группы и, соответственно, коварирующие прочтения местоимений.

Список условных сокращений

DAT — дательный падеж; ERG — эргатив; LOC — местный падеж; M — мужской род; OBL — косвенная основа.

Литература

- Алексеев, Атаев 1997 — М. Е. Алексеев, Б. М. Атаев. Аварский язык. Москва: Академия, 1997.
- Лютикова 2001 — Е. А. Лютикова. Анафорические средства // А. Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. Москва: Наследие: 2001. С. 615–681.
- Толдова 1999 — С. Ю. Толдова. Местоименные средства поддержания референции // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва: Наследие, 1999. С. 629–674.
- Adger 2011 — D. Adger. Bare resumptives // A. Rouveret (ed.). Resumptives at the Interfaces. London: Elsevier, 2001. P. 343–366.
- Elbourne 2008 — P. Elbourne. Demonstratives as individual concepts // Linguistics and Philosophy 31, 4, 2008. P. 409–466.
- Kratzer 2009 — A. Kratzer. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns // Linguistic Inquiry 40, 2, 2009. P. 187–237.